

влияние на результат коммуникации. Воронеж, 2005. С. 9 - 17.

3. Арутюнян А. Неутолимый информационный голод // Новый мир. 2005. № 10.

И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова (г. Белгород, Россия)

ПОЛИТГРУБОСТЬ КАК АНТИТЕЗА ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ДИСФЕМИЗАЦИИ СООБЩЕНИЯ В ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ СМИ

В статье речь идет о таком явлении как политгрубость как антипод политкорректности. Эти понятия тесно связаны со средствами эвфемизации/дисфемизации. В этой статье представлены некоторые средства создания политгрубости.

Ключевые слова: *политгрубость, политкорректность, эвфемизм, дисфемизм.*

This article deals with such phenomenon as political rudeness which is an antipode of such well-known phenomenon as political correctness. These terms are closely connected with euphemisms and dysphemisms. The article represents some means by which political rudeness is understood.

Key words: *political rudeness, euphemism, dysphemism, political correctness*

В отечественной лингвостилистике проблеме структуры и функционирования эвфемизмов всегда уделялось особое внимание. Эвфемизмы привлекают внимание исследователей не только потому, что они являются специфическим тропом, но и в силу их промежуточного между метафорой и метонимией статуса как средства изменения формата значения. С функциональной же точки зрения эвфемизмы примечательны совмещением в себе двух, казалось бы, противоположных эффектов: с одной стороны, передачей отрицательного с точки зрения говорящего явления за его благопристойной по форме «маскировкой» и, с другой стороны, возможной иронии от такого двойственного переосмысления.

Особое значение исследование эвфемии и её основных средств и моделей приобретает в контексте исследования языка современных СМИ. Для этого был даже изобретён особый термин – «политкорректность». Под политкорректностью понимается «... *avoidance of expressions or actions that can be perceived to exclude or marginalize or insult*

people who are socially disadvantaged or discriminated against» («избегание выражений или действий, которые могут быть восприняты как средства, способного обратить внимание на или оскорбить людей, имеющих определённые социальные ограничения или подверженных дискриминации определённого рода» (перевод наш. - И.Ч., О.П.).

Как представляется, значение термина «политкорректность» как сугубо лингвистического явления гораздо шире. Он объединяет в себе как языковую сторону социально-лингвистического феномена (средства и модели его образования), так и речевую (стратегии речевого воздействия, вызывающей подобные эффекты). Кроме того, с лингвистической точки зрения более уместными с этих позиций представляются «коммуникативная корректность» [Стихин: 140] или «языковой такт» [Тер-Минасова 2004: 216].

Но современный этап развития отечественной журналистики заставляет всё чаще обращать внимание на противоположное эвфемии явление – дисфемизацию речевого высказывания. Если эвфемизмы в широком смысле следует понимать как средства придача более благозвучной формы для обозначения грубых, непристойных или непристойных понятий, то по контрасту дисфемизмы – это средства «огрубления» нейтральных или вполне благопристойных понятий.

Соответственно, как и у термина «эвфемизация», у его антипода – термина «дисфемизация» - также имеются различные интерпретации. В частности Т.Н.Абакова определяет его как «процесс обозначения какого-либо предмета, явления или действия более вульгарным или грубым словом или выражением» [Абакова 2006: 203], а Т.В. Новикова под дисфемией понимает «нарочитое употребление грубых, стилистически сниженных слов и выражений» [Новикова 2006: 143].

Вернёмся к термину «политкорректность». По большому счёту, он действительно объединяет в себе лингвистическую, социально-этическую и культурную компоненты и, следовательно, должен быть интерпретирован шире, нежели термин лингвистики. Но тогда возникает вопрос: коль скоро существует политкорректность, в языке выражаемая эвфемизмами, то, с одной стороны, существует ли её антипод, выражаемый соответственно дисфемизмами, и, с другой стороны, если существует, то как же следует его назвать?

Ответ на первый вопрос является аксиоматическим: несомненно, такой феномен существует. Сплошь и рядом в журналистской практике мы встречаемся с журналистскими речевыми тактиками, построенными

ми по принципу русской поговорки «Для красного словца не пожалеею и отца». Причём это относится не только к пресловутым текстам таблоидов, но и к солидным изданиям.

Чего стоят только следующие два абзаца из публикации А. Муртазаева в еженедельнике «Деловой вторник» на факт приобретения администрацией г. Волжский (Волгоградская обл.) «навороченного» всеми средствами комфорта, включая Интернет-связь, спальные отсеки, душ и туалет автобуса:

Вы знаете, в Британии, в недалеком прошлом, с особым почтением относились к беременным женщинам. Существовал закон, согласно которому им было разрешено справлять малую нужду даже в каску полицейскому. Однако блюстителя закона надо было предварительно предупредить о намерениях. Ну, мало ли что.

Кажется, в России отношение чиновников к своим большим нуждам гораздо более почтительное. Им, по негласному закону, позволено справлять свои потребности самым нелепым образом...

Даже при отсутствии вульгаризмов обыгрывание в одном контексте словосочетаний «большая/малая нужда» звучит достаточно неоднозначно, а уж при подчёркивании того факта, что туалет в автобусе представляет роскошь при наличии посадок вдоль обочины по российским трассам, практически переводит данную двусмысленность в достаточно грубую неоднозначность. Интерпретировать содержание данной статьи остаётся только очень «неполиткорректным» высказыванием: для российских чиновников собственные естественные потребности дороже народных нужд.

Следует признаться: как рядовым россиянам, не состоящим в чиновничьем аппарате, авторам данной статьи в определённой мере данное мнение импонирует. Но следует заметить, что с объективных позиций данную форму интерпретации факта нельзя назвать ничем иным, как «трубостью». Поэтому нам очень уместным в этом плане представляется термин «политтрубость».

Необходимо отметить, что у политтрубости в отечественной прессе имеются давнишние корни, ещё от социал-демократической публицистики. Достаточно вспомнить известную характеристику известным «классиком марксизма-ленинизма» Льва Троцкого как «политическая проститутка» или его же менее известную критику меньшевика Потресова с использованием аллюзии на чеховскую «Душечку»: «“Мы с Мартыновым ругали Ленина”. “Мы с Лениным ругали Мартынова”».

Милая социал-демократическая душечка! В чьей ещё постели ты окажешься завтра!»

Вопрос о том, насколько оправданным является использование средств дисфемии в практике СМИ, в целом на настоящий момент представляется открытым. Достаточно прозрачным является status quo, когда в обществе существует двойственное отношение к их использованию. С одной стороны, существует выработанное опытом многих поколений положение, отражающее наиболее общие максимы культуры и этики, основанное на том, что поистине культурный, интеллигентный человек стремится избегать использования этих средств даже в экстремальных ситуациях, когда грубость является единственным средством выхода из подобных ситуаций. Нельзя сказать, чтобы в целом этим максимам не уделялось никакого внимания, иначе бы язык газет, журналов, радио и телевидения мало чем отличался бы от речи тамбура электрички, вещевого рынка, коридоров ПТУ и пастбища крупного рогатого скота. Но, с другой стороны, многие деятели культуры, науки и искусства, признавая необходимость соблюдения речевой вежливости и элементарных правил приличий в общении с другими людьми, разводят руками и говорят: «Что поделаешь? Необходимо, конечно, соблюдать элементарную речевую вежливость. Но ведь веяние времени, людям надоело лицемерие, притворство, а в крепких выражениях, может, и есть она, сермяжная правда».

Объективности ради следует признать обоснованность доводов как одной, так и другой стороны. Но не следует забывать, что СМИ, «Всемирная паутина» и произведения литературы, изобразительного искусства и кинематографии являются не только основным источником передачи информации о внешнем мире, но и в такой же степени средством воспитания грядущих поколений. Уже сейчас мы страдаем от пессимистического речевого цинизма старшего поколения, потерпевшего крушение всех идеалов, для которых они жили, скептического речевого цинизма среднего поколения, наблюдавшего самые низменные мотивы и средства их реализации в лице власть предержащих в годы правления Горбачёва и Ельцина и прагматического речевого цинизма поколений моложе 35-40 лет. В обществе сняты не только юридические запреты на тунеядство, стремление к получению материальных богатств любыми средствами, азартные игры, но и моральные табу на развлечения, получения сексуального удовлетворения любыми способами, в том числе и такими, которые во все предыдущие эпохи считались извращениями и

делом крайне постыдным, переход из одного мировоззренческого лагеря в другой. Употребление языковых средств передачи грубых, запретных тем, таких как отправление естественных надобностей и похоть, в качестве резкого средства выражения эмоций и оценок вышло из сферы неформального употребления, иначе говоря, из пределов фамильярно-разговорного стиля и нашло место в таких функциональных стилях, как литературно-разговорный и публицистический (терминология стилей в данной статье даётся по [Мороховский 1991: 114]). Такая динамика развития феномена едва ли может быть названа положительной.

Известное положение римского права “Audiatur et altera pars” (и другую сторону) объективности ради требует поиска и оправдательных мотивов действий инициаторов СМИшной политгрубости. Как всегда, здесь действует старинный марксистский тезис: “Бытие определяет сознание”. Достаточно длительное время у нас в стране «не было» ни мата, ни секса. Но лишь в официальных комментариях. На самом деле всего было не просто в достатке, а и в избытке. К сожалению, административное фарисейство продолжает действовать и в настоящее время, а это волей-неволей стимулирует употребление данных «языковых», с позволения сказать, средств. Можно развешивать на всех углах г. Белгорода плакаты «Мат – не наш формат!» и в тоже время слышать весь диапазон русскоязычной нецензурной лексики, в речи людей разных возрастных и социальных статусов. Поэтому авторы «политгрубых» высказываний, СФЕ и даже текстов не виноваты в том, что они – продукт сложившейся социально-этнической картины отношений между людьми. Обратимся к средствам создания политгрубости. Конечно, в СМИ явные и даже более корректные с этической точки зрения лексические единицы, «апеллирующие» к сфере «ниже пояса», употребляются достаточно редко. Всё чаще в авторских текстах СМИ появляются слова и словосочетания типа «очередная дурь», «помойка» (в значении «состояние общества»), «холоп» и другие им подобные, к физиологии прямого отношения не имеющие, но в том контексте, в котором они употребляются, их иначе как политгрубостью назвать сложно. Чего стоят, например, такие высказывания:

- За спиной даже самых либеральных премьеров за властные ниточки дергает *безмозглое*, самое *холуйское* и негативное сословие – российское чиновничество (В. Котиков, АиФ № 22, 2009 г.).

- С правами человека дело обстоит и того хуже. Эти права в западном понимании термина давно перестали быть правами большинства.

Там они сводятся к защите прав маргиналов, извращенцев, геев, лесбиянок, *полудурков* (А. Дугин, АиФ № 22, 2009 г.).

Очень часто эти лексические средства конвергируют с синтаксической структурой. В частности, в следующем примере известное грубое клише «пошел вон» достаточно эффективно включается в заключительное высказывание статьи в сочетании с нарушением привычной структуры предложения:

Таким образом, в обществе, которое нужно России, не должно быть представительской демократии, не должно быть рыночного общества, основанного на денежном эквиваленте всех ценностей, и не должно быть идиотской, противоестественной, извращенческой идеологии прав человека. *Рынок, демократия и права человека – пошли вон!* (А. Дугин, АиФ № 22, 2009 г.).

Следовательно, приходится констатировать, как диагностируют болезнь, что политрубость в обществе в целом и в СМИ в частности существует и, как и любая болезнь, обладает специфической «симптоматикой». Вопрос о ее «заразности», несомненно, является одним из важнейших вопросов, стоящих на повестке дня перспектив развития СМИ на современном этапе.

По нашему мнению, важно следующее. Можно говорить о языковом ханжестве и тому подобном, которое заключается в данной статье, но умные люди смотрят вперед дальше собственного носа. А дальше его видения грядущие поколения журналистов и их читателей. Если нынешних студентов учить на примерах «маститых» авторов политических обзоров и анализов в текстах СМИ, которые считают политрубость одним из важных средств проявления журналиста как личности, то ханжество и грубость в обществе в конце концов накроет его с головой как девятый вал, поскольку люди иногда читают газеты, гораздо чаще слушают FM-радио и практически жить не могут без телевизора и, конечно, воспринимают все, что эпатирует окружающую действительность с особым вниманием, переносят это в повседневную речь и, таким образом, окказиональная политрубость становится системным явлением. Примечательно, что сама сфера политики является достаточно частной синергетической, самонастраивающейся системой, отвергающей все ей чуждое и эпатирующее. В сфере языка СМИ уровень такого иммунитета, вне всякого сомнения, гораздо ниже, если не сказать, что в этой сфере наблюдается иммунодефицит.

1. Абакова Т.Н. Синонимические и антонимические отношения эвфемизмов и дисфемизмов и их функционирование в британской прессе //Т.Н. Абакова //Вестник Саратовской государственной академии права. – 2006. - № 6. – С. 203 - 205.

2. Мороховский А.Н., Воробьева О.П., Лихошерст Н.И., Тимошенко З.В. Стилистика современного английского языка. – К.: Высш. шк., 1991. – 272 с.

3. Новикова Т.В. Анализ принципов толерантности в текстах СМИ // Научно-культурологический журнал. – № 21 [143] 21.11.2006.

4. Стихин А.Г. Лингвистические аспекты коммуникативной корректности//Язык и этнический менталитет. Петрозаводск. – 1995.- с. 138-142.

5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М: Изд-во МГУ.- 2004.- 352 с.

М.Н. Черкасова (г. Ростов-на-Дону, Россия)

**РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(на примере медиатекстов)**

Речевая агрессия в современном медиатексте становится все более заметным и частотным явлением. Это проявляется в лексике и находит отражение на всех языковых уровнях: фонетическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом.

Ключевые слова: речевая агрессия, оскорбление, ситуативно-стратификационная сущность агрессии.

Verbal aggression in the modern mass-media has become very significant and usual phenomena. It is reflected on all levels of our language: phonetic, word-formative, lexical, morphological, syntactical.

Key words: verbal aggression, insult, dependence of aggression from situation and stratification.

Изучение феномена агрессии традиционно в первую очередь для психологии и педагогики (Адлер А., Берковиц Л., Лоренц К., Щербинина Ю., Christiansen K., Dollard D., Knusmann R., Tedschi J.T. и др.). Общепринятое понимание в сфере психологии состоит в